

— Есть интерес.

Цзян Цинъянь безразлично произнес:

— Я влюбился в мужчину с первого взгляда.

Столь неожиданный ответ заставил Цзи Синье вновь остолбенеть. Он вкатил инвалидное кресло в гостиную и, складывая зонт, как бы невзначай поинтересовался:

— Кто это? Я его знаю?

— Ты же знаешь, что мне нравятся мужчины.

Цзян Цинъянь обвел взглядом роскошный интерьер зала и тихо проговорил:

— Когда тот мужчина, что вошел вместе с тобой в поминальный зал, показался в дверях, он мгновенно приковал мой взгляд. Это чувство... как бы описать?

Говоря это, он нахмурился, словно подыскивая слова. Человек за его спиной замер, перестав складывать зонт, словно ожидая продолжения.

Цзян Цинъянь помедлил мгновение и неторопливо продолжил:

— В тот миг, когда я увидел его, дыхание сбилось, сердце заколотилось, а щеки слегка запылали. Особенно когда он направился ко мне — время словно остановилось. Это чувство в точности такое же, как то, что ты когда-то описывал мне, говоря о любви с первого взгляда.

Первой реакцией Цзи Синье было неверие. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент Цзян Цинъянь вдруг повернул голову, ухватился за полу его одежды, поднял взгляд и произнес:

— Ты поддержишь меня, правда?

Цзи Синье опустил веки, вглядываясь в полные ожидания глаза Цзян Цинъяня. Он несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем выдать:

— Родной, это же поминальный зал дедушки...

— Дедушка не станет меня винить, — Цзян Цинъянь изогнул брови, и в его абсолютно черных глазах под светом ламп запылали яркие искры. — Самым большим желанием дедушки было, чтобы я нашел человека, с которым смогу искренне идти по жизни. Если он узнает, что я встретил свою любовь на его похоронах, думаю, он будет только рад.

Цзи Синье лишился дара речи. Не зная, что ответить, он убрал зонт, повез кресло дальше и сменил тему:

— Уже поздно. Завтра еще кремация и похороны дедушки. Я провожу тебя в комнату отдохнуть.

Цзян Цинъянь решил не настаивать. Он отвернулся, едва заметно приподняв бровь, и позволил Цзи Синъе отвезти себя в гостевую комнату.

Гостевой ее называли потому, что старейшина Шэнь распорядился устроить поминальный зал в загородной усадьбе, поблизости от кладбища и крематория. Сейчас уже стемнело, и усадьбу залил яркий, словно дневной, свет. Белесые лучи ламп отражались от безупречно прибранной комнаты, лишая ее всякого уюта, — она напоминала номер в отеле.

Однако Цзян Цинъянь не знал, что стоило ему уйти, как из кухни вышла высокая фигура с подносом еды. Свет ламп подчеркнул его статные черты лица. Глубокий взгляд мужчины устремился на приоткрытую дверь гостевой комнаты. Помолчав, он вдруг усмехнулся, поднялся по лестнице и направился прямо к дверям спальни старейшины. Стоило ему войти, как он почувствовал неладное.

Поставив поднос на столик, он бросил взгляд на хмурую сестру, а затем перевел глаза на напряженного старика:

— Что случилось? Дедушка расстроил нашу Мяньмянь?

Старик, сидевший на диване и опиравшийся на трость, не ответил Шэнь Ланьшу. Вместо этого он глухо произнес:

— В этом вопросе обсуждений не будет. Согласны вы или нет, этот брак уже решен!

Сказав это, он дрожащей рукой оперся на трость и поднялся:

— Все, время позднее, уходите.

Старейшина Шэнь весь день провел в поминальном зале и был совершенно измотан. Шэнь Ланьшу, полный недоумения, вышел из комнаты, закрыл дверь и, схватив за руку излучавшую холод Шэнь Цзянмянь, тихо спросил:

— В чем дело?

Под его пристальным взглядом Шэнь Цзянмянь закрыла глаза и глубоко вздохнула. Справившись с смятением, вызванным внезапной новостью о браке, она с тяжелым выдохом произнесла жестким тоном:

— Дедушка хочет, чтобы я обручилась с Цзян Цинъянем.

— Цзян Цинъянем?

Свет в коридоре был тусклым. Шэнь Ланьшу нахмурился, и его глаза, скрытые в тени, то загорались, то гасли. В этом мерцании они напоминали блуждающие огоньки — странный, леденящий душу блеск.

— Тот молодой человек в инвалидном кресле? — спросил он спустя долгое время.

Шэнь Цзянмянь коротко ответила:

— Угу.

Внезапно что-то осознав, она пронзительно посмотрела на брата:

— Ты что, знал об этом заранее?

— Ты такого обо мне мнения? — недовольно опустил голову Шэнь Ланьшу.

Он был высокого роста, широкоплечий и статный. Его лицо с четкими, глубокими линиями, когда он смотрел сверху вниз, создавало гнетущее ощущение давления. Но Шэнь Цзянмянь не испугалась, лишь холодно усмехнулась, вырвала запястье и направилась в свою комнату.

— Постой!

Шэнь Ланьшу догнал ее и быстро просунул ногу в дверной проем:

— Давай проясним все до конца.

Увидев начищенный до блеска кожаный ботинок, застрявший в щели, Шэнь Цзянмянь оставила попытки закрыть дверь и с ледяным лицом зашагала внутрь. Шэнь Ланьшу толкнул дверь, вошел следом и, закрыв ее за собой, прислонился к косяку. Скрестив руки на груди, он смотрел сверху вниз на сестру, которая вдруг поникла, словно проигравший петух — такая жалкая и подавленная.

Шэнь Ланьшу, который до этого был не в духе, вдруг рассмеялся. Приятный смех эхом разнесся по тихой спальне.

Долетев до ушей Шэнь Цзянмянь, сидящей на диване, звук заставил ее метнуть в него ледяной взгляд:

— Убирайся! Я не хочу тебя видеть!

Услышав это, Шэнь Ланьшу перестал смеяться, несколько секунд внимательно смотрел на

сестру, а затем развернулся и вышел. Уже закрывая дверь, он вспомнил кое-что и, не оборачиваясь, бросил:

— Успокойся. И кстати, уточню: о том, что дедушка решил устроить этот брак, я заранее не знал.

Сказав это, он раздраженно дернул воротник, дошел по галерее до лестницы и вытащил из кармана пачку сигарет. Только он успел прикурить, как увидел, что внизу открылась дверь одной из гостевых комнат.

Тот самый юноша, что показывал ему дорогу, был выставлен за дверь. Шэнь Ланьшу прищурился сквозь дым и увидел в дверном проеме еще одну фигуру в инвалидном кресле.

— У меня теперь есть любимый человек, так что не стоит беспокоить тебя лишний раз из-за пустяков.

Хриплый голос разнесся по пустой гостиной. Шэнь Ланьшу, зажав сигарету, замер, услышав ответ парня в очках:

— Здесь не так удобно, как дома, да и пол скользкий.

Цзи Синье присел на корточки и мягко, терпеливо сказал:

— Ты можешь обойтись и без моей помощи, я буду дежурить у двери, как и раньше.

— Я живу так уже больше десяти лет, не нужно обращаться со мной как с хрустальной вазой, — ответил Цзян Цинъянь.

Цзи Синье не рассердился, лишь беспомощно вздохнул:

— Ладно. Тогда не забудь взять с собой телефон, если что-то понадобится — звони. Я пойду принесу тебе ужин, хорошо?

Цзян Цинъянь кивнул и проводил взглядом уходящего Цзи Синье. Когда он развернул кресло, чтобы вернуться в комнату, то случайно бросил взгляд на второй этаж и увидел, что у перил кто-то стоит. Он замер на мгновение, взгляделся и понял, что это тот самый мужчина с похорон.

Свет люстры делил его лицо на свет и тень, подчеркивая глубину черт и прямой, высокий нос. Пара темных, глубоких глаз какое-то время молча смотрела на него, а затем мужчина, словно не проявляя ни малейшего интереса, отвел взгляд, зажал сигарету и ушел.

Цзян Цинъянь приподнял бровь: неужели он все слышал? Впрочем, подумав, что имен он не называл, он отвел взгляд и неумело развернул кресло, возвращаясь в комнату.

Похороны дедушки Цзян Цинъяня прошли торжественно, но людей было немного. Поскольку у семей Цзян и Цзян родственников почти не осталось, после церемонии прощания тело сразу повезли в крематорий.

Как член семьи, Цзян Цинъянь хранил молчание. Когда гроб начали задвигать в печь, старейшина Шэнь вдруг всхлипнул. В отличие от молодых, еще не познавших жизни, старик, чья нога уже стояла в могиле, чувствовал всё гораздо острее.

Он смотрел на закрывающуюся дверцу крематория, и в его памяти переплетались воспоминания о совместных боях с молодым боевым товарищем и их последняя встреча в больнице. Это походило на короткий фильм о жизни, один из главных героев которого сейчас лежал в печи, чтобы превратиться в горстку пепла.

От этой мысли слезы хлынули у него из глаз. Его эмоции передались остальным. У многих покраснели глаза, даже холодная Шэнь Цзянмянь не смогла сдержать печали. Исключением были лишь необычайно спокойные Шэнь Ланьшу и Цзян Цинъянь.

Шэнь Ланьшу следил за состоянием старейшины. Видя, как тот горько плачет, он подсознательно взглянул на юношу в кресле — тот смотрел на печь, его лицо было напряжено, казалось, он был настолько подавлен горем, что даже не мог плакать.

Но Шэнь Ланьшу почему-то показалось, что юноша не скорбит об утрате близкого, а... витает в облаках?

Показалось?

Шэнь Ланьшу отвел взгляд и краем глаза заметил человека за спиной юноши — тот стоял, опустив голову, словно в забытии. Шэнь Ланьшу слегка нахмурился: всю дорогу ему казалось, что кто-то враждебно наблюдает за ним из тени. Неужели и это лишь домыслы?

А Цзян Цинъянь действительно витал в облаках. Точнее, он рылся в сюжете.

Вчера вечером, выпроводив Цзи Синъе и случайно столкнувшись с тем мужчиной в гостиной, он хотел найти информацию о его личности. Но вернувшись в комнату, он потратил целый час, чтобы привести себя в порядок перед душем, а так как тело не спало несколько дней, после ужина его сморило, и он забыл о своих планах.

Сейчас, пока шло кремирование, он использовал духовное чувство, чтобы отыскать в длинном сценарии информацию о мужчине.

Его звали Шэнь Ланьшу, старший внук семьи Шэнь. В отличие от других двоюродных братьев,

которых с юности отправляли в армейские лагеря, он унаследовал от матери деловую хватку и сразу после выпуска возглавил ее компанию. В оригинальном сюжете именно он помогал Цзян Цинъюню, когда тот открыл фирму.

О нем было написано немного: каждое его появление служило лишь для того, чтобы решить проблемы Цзян Цинъюня. По сути, он был «золотым пальчиком», инструментом для главного героя. С таким статусом, учитывая слова системы, Цзян Цинъюнь не мог не подозревать, что этот человек намеренно подстроил ему роль «дитя мира».

Только вот...

Он опустил взгляд на свои ноги. Травма Цзян Цинъюня была следствием повреждения спинного нерва в автокатастрофе. В то время медицина была не так развита, денег потратили немало, а ноги так и не вылечили. Сейчас, спустя столько лет, шансы на восстановление были ничтожны — для Цзян Цинъюня это было лишь призрачной надеждой.

Но для него самого восстановление — лишь вопрос времени.

Однако...

Он бросил косой взгляд на высокую фигуру рядом и молча сделал пометку в уме на этого «пса».

Шэнь Ланьшу, успокаивавший старейшину, внезапно громко чихнул. Слишком тяжелая атмосфера была мгновенно нарушена. Все посмотрели на него. Неподалеку госпожа Цзи вытерла слезы рукавом и, поколебавшись, произнесла:

— В Жунчэне в последние дни дожди, перепады температур большие. Хотя вы и молоды, все же нужно беречь себя.

Цзян Цинъюнь тоже поднял голову. Он увидел, как Шэнь Ланьшу слегка кивнул госпоже Цзи, неспешно достал из кармана белый платок с вышитым по краю красным лотосом, вытер нос и спокойно сказал:

— Наверное, дедушка Цзян видит, как всем грустно, и решил через меня напомнить вам не слишком убиваться, особенно вам, дедушка...

Говоря это, он достал черный платок и перевел разговор на старейшину Шэня, чье лицо от сильных переживаний стало пепельно-серым. Вытирая старику слезы, он продолжил:

— Врачи твердили, что нельзя допускать таких перепадов эмоций. Если вы продолжите так плакать и упадете в обморок, как вы проводите дедушку Цзяна в последний путь?

Эти слова не только сняли неловкость от чихания, но и в какой-то мере утешили всех именем дедушки Цзян Цинъюня, а заодно убедили старейшину Шэня. Цзян Цинъюнь, который за две

жизни выучил лишь основы, вынужден был признать: он сказал это очень красиво.

Он невольно отбросил предвзятость и начал заново оценивать Шэнь Ланьшу, заодно просканировав реакцию окружающих. Людей было мало: госпожа Цзи, Цзи Синье и дедушка Цзян с внуком. Шэнь Цзянмянь стояла с покрасневшими глазами, не поднимая век, Цзи Синье был позади него, его он не видел, так что ответила только госпожа Цзи:

— Господин, ваш внук прав. Дедушка Цзян был очень добрым человеком, и на небесах он точно не хотел бы видеть, как вы так страдаете.

Старейшина Шэнь тяжело вздохнул. Взяв платок из рук внука, он вытер слезы:

— Да, я должен лично проводить старого Цзяна в последний путь.

Сказав это, он похлопал Цзян Циньяня по плечу.

Через полчаса сотрудники сообщили родственникам, что можно забирать урну. Цзян Циньянь, как член семьи, в сопровождении Цзи Синье отправился за урной. Когда он взял ее в руки, то обнаружил, что она еще теплая. В этот миг сердце, которое до этого оставалось безмятежным, внезапно стало тяжелым.

Словно на грудь положили огромный камень — стало трудно дышать, а из глаз сами собой покатались слезы. Цзян Циньянь даже не сразу понял, что плачет, просто почувствовал дискомфорт в груди.

Цзи Синье развернул кресло и повез его к толпе, ожидавшей неподалеку. Старейшина Шэнь подошел, присел на корточки рядом с ним и, вытирая дрожащими старческими пальцами слезы с его щек, сквозь всхлипывания попытался ободрить его:

— Хороший мой, не плачь. Теперь я буду твоим родным дедушкой.

Плачу?

Цзян Циньянь с недоверием поднял палец и коснулся уголка глаза. След от слезы на кончике пальца блестел в свете ламп. Он похолодел внутри и спросил систему:

— Что происходит?

— Это остаточные эмоции Цзян Циньяня, — пояснила система. — Все-таки это дедушка, с которым он жил душа в душу. Не волнуйтесь, эти чувства постепенно рассеются.

— Вот оно что...

Цзян Циньянь, который до сих пор с содроганием вспоминал период «сенситивности» в

прошлой жизни, успокоился. Цзи Синъе отвез его к машине, и они направились на кладбище.

Кладбище находилось у подножия горы в пригороде, небо все еще плакало дождем. Цзян Цинъянь с теплой урной в руках подъехал к надгробию недалеко от входа.

Дедушка Цзян Цинъяня купил это место много лет назад, выбирая его так, чтобы внуку было удобно навещать их. Родители Цзян Цинъяня тоже были похоронены здесь, как и его бабушка — старик еще давно перенес сюда прах своей жены, скончавшейся много лет назад.

Шесть человек. Госпожа Цзи и Шэнь Цзянмянь делили один зонт, Шэнь Ланьшу и Цзи Синъе держали по черному зонту над Цзян Цинъянем и старейшиной Шэнем соответственно. Поскольку Цзян Цинъянь был в инвалидном кресле, старейшина Шэнь взял на себя обязанность предать прах земле.

Старик со скорбью в глазах опустился на колени перед надгробием, погладил урну, прошептал несколько слов прощания и уложил ее в нишу, соединив дедушку Цзяна с женой.

Постоянные дожди принесли на кладбище страшную сырость. Все вокруг окутал белый туман, словно саван, и от долгого пребывания здесь холод проникал под одежду, вызывая зябкую дрожь. Позабывшись о ногах Цзян Цинъяня и возрасте старейшины, они покинули кладбище сразу после похорон.

У входа стояли две машины. Когда церемония подошла к концу и пришло время расставаться, старейшина Шэнь вдруг подошел к Цзян Цинъяню, наклонился, взял его за руку и с теплотой спросил:

— Цинъянь, ты хочешь поехать со мной жить в Киото?

Встретившись с ожидающим взглядом старика, Цзян Цинъянь открыл рот, чтобы ответить, как вдруг почувствовал тяжесть на правом плече.

<http://bllate.org/book/19897/1958724>